

Э. Ильенков

Гегель и современность

200-летие со дня рождения выдающегося немецкого философа Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770-1831) отмечается научной общественностью всех цивилизованных стран. Это понятно – без имени Гегеля так же невозможно представить себе историю мышления, историю логики, как развитие музыки – без Бетховена или мировую литературу – без Льва Толстого и Достоевского.

Многое отделяет нас от эпохи, схваченной мыслью Гегеля и выраженной в понятиях его системы, но вокруг научного наследия философа до сих пор не утихают жаркие споры. Диалектика, с историей которой неразрывно сплетено имя Гегеля, представляет собой слишком драгоценное оружие в борьбе идей, чтобы остаться в этой борьбе бесхозной, и каждая из партий в философии, борющихся ныне за влияние на умы людей, стремится сделать Гегеля своим союзником, использовать его славу и авторитет в своих целях.

Неогегельянцы и неопозитивисты, томисты-католики и экзистенциалисты, феноменологи и иррационалисты – все предлагают миру свои интерпретации гегелевской мысли, рисуя свой образ мыслителя, по-своему располагая свет и тени на его юбилейном портрете. Вплетаются в этот хор и голоса некоторых новейших путаников-ревизионистов, по недоразумению считающих себя марксистами.

Уже поэтому вопрос о подлинном отношении марксистской философии к Гегелю заслуживает и в наши дни самого серьезного и принципиального разговора.

Не менее, а, может быть, более важным основанием для этого является и то обстоятельство, что правильное, Марксом, Энгельсом и Лениным установленное, отношение к гегелевской философии органически входит в состав самого марксизма, а критически-материалистическое усвоение гегелевской диалектики остается одним из необходимых условий подлинно глубокого и серьезного марксистского образования. «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его 1-й главы, не проштудировав и не поняв всей Логике Гегеля», – категорически утверждал Ленин (Полное собрание сочинений, т. 29, с. 162).

Маркс, Энгельс и Ленин ясно показали как исторические заслуги Гегеля, так и исторически обусловленную ограниченность его научных завоеваний, четко прочертив границы, через которые гегелевская диалектика перешагнуть не смогла, те иллюзии, власть которых она одолеть не была в состоянии, несмотря на всю силу ума ее создателя. Величие Гегеля, как и его ограниченность, целиком определяется тем, что он исчерпал до конца возможность разработки диалектики на базе идеализма, в рамках тех аксиом, которые идеализм навязывает научному мышлению. Гегель, независимо от своих намерений, показал как на ладони, что идеализм приводит мышление в роковые тупики и обрекает даже диалектически просвещенную, даже до артистического уровня вышколенную в отношении диалектики мысль на безвыходное круговращение внутри себя, на бесконечную процедуру «самовыражения», «самосознания», на своеобразный – логический – нарциссизм. Для Гегеля (и именно потому, что он наиболее последовательный и нелицемерный идеалист, раскрывающий тем самым тайну всякого другого, недоношенного и незавершенного, идеализма) «бытие», то есть вне и независимо от мышления существующий мир природы и истории, неизбежно превращается лишь в повод для демонстрации логического искусства, лишь в неисчерпаемый резервуар «примеров», подтверждающих снова и снова все одни и те же школьные схемы и категории логики. Как ядовито заметил молодой Маркс, «дело логики» загораживает от Гегеля «логику дела», и потому и прусский монарх, и вошь в голове этого монарха одинаково хорошо могут служить идеалисту-диалектику как «примеры», иллюстрирующие категорию «в-себе-и-для-

себя сущей единичности».

И кипящий чайник, и Великая французская революция тоже превращаются таким подходом лишь в «примеры», иллюстрирующие соотношение категорий качества и количества. Но тем самым любая попавшая на глаза эмпирическая реальность, – какой бы скверной и случайной она сама по себе ни была, – превращается тут во «внешнее воплощение абсолютного разума», в одну из необходимых диалектических ступеней его саморазличения...

Этот порок гегелевской диалектики прямо связан с идеализмом, благодаря которому диалектика легко превращается в способ тонкой, логически изоцированной апологетики всего существующего.

После того, что сделал Гегель, двигаться вперед можно было только в одном-единственном направлении – по пути к материализму, по пути к ясному пониманию того факта, что все диалектические схемы и категории, выявленные в мышлении Гегелем, представляют собою вовсе не изначально свойственные самому по себе «чистому духу» принципы его деятельности, его работы. Это лишь отраженные коллективным сознанием человечества в ходе его многовекового развития и прошедшие горнило практической проверки универсальные формы и законы развития внешнего, вне и независимо от мышления существующего, реального мира. К такому – материалистическому переосмыслению гегелевской диалектики и приступили уже в начале 40-х годов прошлого столетия Маркс и Энгельс, а материалистически переосмысленная гегелевская диалектика выполнила для них роль логики развития материалистического мировоззрения.

Превращение гегелевской диалектики в подлинно научный метод мышления могло совершиться только на одном пути – в ходе ее применения к исследованию материальных условий жизни общества. Этот путь, пройденный Марксом и Энгельсом, и по сей день остается единственно возможным выходом из мрака «гегельянщины» на свет научного понимания как внешнего мира, так и самого мышления. Любой другой путь обрекает даже диалектически грамотное мышление на бесплодное верчение в заколдованном кругу канонических категорий. Ортодоксальное гегельянство именно поэтому и не играет во всей последующей идейной борьбе сколько-нибудь самостоятельной роли, а всегда примыкает к той или иной партии и всегда в конце концов «оправдывает» те социальные силы, которые на сегодняшний день почему-либо выглядят шумно торжествующими. В начале 30-х годов немецкое неогегельянство логически обосновывало доктрину фашизма, объявляя ее очередным воплощением «абсолютного разума». С таким же успехом неогегельянцы направляют свою философию и в русло ультралевых настроений. Примером тому может служить деятельность Герберта Маркузе, с неотразимым логическим искусством обосновывающего анархически-хулиганские выходки Кон-Бендита и его шальных друзей... Диалектические категории превращаются этим их употреблением просто в термины языка демагогии или апологетики. Аналогичное использование диалектических категорий можно легко обнаружить и в сочинениях официальных «диалектиков» нынешней «китайской школы».

Рациональное зерно гегелевской философии – диалектика как логика и теория научного познания современного материализма – живет ныне только в одном образе – в ее марксистско-ленинской интерпретации и применении к познанию окружающего мира, к научному отражению объективных законов материального мира и перспектив его собственного, независимого от желаний и фантазий людей, развития. Именно разработкой диалектики, – при всех перекосах и недомолвках, при всей той абстрактности и «шелухе», в оболочке которой совершался процесс ее утробного созревания в лоне гегелевской философии, – Гегель обеспечил себе бессмертие в благодарной памяти человечества, в пантеоне героев духа. Диалектика и есть то самое, что соединяет Гегеля с нашей современностью, с вечно живым духом прогресса и с отражающим основные тенденции прогресса учением Маркса – Энгельса – Ленина.

«Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую “сторону” дела (это не “сторона” дела, а суть дела) не обратил внимания Плеханов...» – подчеркивал Ленин (т. 29, с. 321). Гегелевская диалектика, по оценке Ленина, – это прежде всего наиболее глубокое и всестороннее «обобщение истории мысли» (т. 29, с. 298), – правда, только и исключительно мысли, – в чем и заключается ее связанная с идеализмом ограниченность.

В.И. Ленин настоятельно рекомендовал современным естествоиспытателям «организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения...» и выражал убеждение, что они «найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых “сбиваются” в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды» (т. 45, с. 30-31). Совет не устарел: и до сих пор материалистически понимаемый Гегель – лучшее лекарство от модных недомоганий неопозитивистского и экзистенциалистского толка.

Гегель не мог ответить на роковой для всякого идеализма вопрос: откуда же берется самое мышление и чем определяется его диалектическое развитие? Объявляя мышление «божественным», Гегель просто уходит от этого вопроса, выдает отсутствие ответа на него за единственно философский «ответ». То же самое, только не употребляя всеу имя божие, делают и современные противники теории отражения из югославского журнала «Праксис». Объявляя «диалектику» исключительно формой «самосознания человеческой субъективности», они тем самым и выдают ее за ничем извне не обусловленную («абсолютную») схему всякого познания и практики. Гегель «обожествил» все же не что-нибудь, а именно диалектику человеческого мышления. Но, мистифицируя эту диалектику, Гегель ее выявлял в реальной истории мышления, описывая и систематизируя ее формы и законы с такой глубиной и основательностью, как никто из логиков-профессионалов ни до, ни после него. В этом – колоссальное превосходство гегелевской «Науки Логики» над претенциозной «логикой науки», конструируемой неопозитивистами. Фыркая на Гегеля, неопозитивисты сами беспардоннейшим образом абсолютизируют (обожествляют) известные формы мышления. Только обожествлению в данном случае подвергаются тощие постулаты и аксиомы формальной логики. И этому худосочному «богу» хотят заставить молиться всю современную научную мысль...

Буржуазная философия заимствует из Гегеля все смертное и преходящее – его мистику обожествления мышления, его склонность к компромиссу с силами «существующего», с «богом» и религией, – и, наоборот, вот уже более ста лет старается дискредитировать, объявить «несовременным» и «вредным» все то, что в его философии вело и ведет в тенденции к марксизму. Начало этому положили Шопенгауэр и кантианцы с их лозунгом «Назад к Канту!», либералы типа Р. Гайма и ранние позитивисты вроде Е. Дюринга и примкнувшего к ним Эд. Бернштейна. Все они видели в Гегеле прежде всего «духовного отца Маркса» и потому старались «уничтожить зло уже в зародыше». Этим мотивом и до сих пор определяется все отношение буржуазной философии к Гегелю. По сути дела буржуазная философия давно открестилась от самого великого из своих сынов, от всего ценного и прогрессивного в нем и ценит в нем лишь его слабости, те самые слабости, которые тот разделяет со всем идеализмом. Но в этих слабостях как раз ничего специально гегелевского и нет, стало быть, нет и Гегеля как такового, как конкретного мыслителя.

Подлинный, конкретный и живой Гегель со всеми его противоречиями принадлежит ныне лишь марксизму, сумевшему сделать все выводы из его диалектики. Жив ныне лишь материалистически переосмысленный, критически усвоенный Гегель. Такой Гегель принадлежит будущему. Его бессмертие – в том, что его философия сыграла роль одного из важнейших теоретических источников марксизма-ленинизма.

Э. Ильенков.

Доктор философских наук

«Правда», 23 августа 1970